

Последние дни мая тысяча девятьсот шестнадцатого года выдались тёплыми и сухими. Санкт-Петербург выглядел красивым, хоть и не таким, как в будущем, но эта была прежняя, а не воссозданная красота имперской столицы.

Наша четвёрка войсковых снайперов прибыла сюда лишь для того, чтобы быть отправленной в Европу, в Русский Экспедиционный корпус. Для меня это была единственная возможность избежать каторги, а то и виселицы, мои сослуживцы же попросту написали рапорта о добровольном зачислении в корпус, и, принимая во внимание их заслуги, прощение легко удовлетворили. Что же касается лично меня, то помогли мои командиры, Марков и Деникин.

Ну, вот так как-то нашёл я здесь, в этом новом для себя мире, или времени, настоящих друзей. Я — это Николай Воронцов, бывший снайпер Российской армии, каким-то неведомым образом провалившийся на сто лет назад. Что мог для уменьшения жертв будущей гражданской войны, как мне кажется, я предпринял, а уж как получится, неизвестно. Прошу заметить, что все свои усилия я прикладывал именно с одной целью — уменьшить количество жертв. Предотвратить революцию невозможно, слишком

поздно. Попал бы сюда лет на десять раньше, скажем, перед первой революцией... Да и то вряд ли что-то сделал бы, общество слишком расколото, слишком сильна ненависть к дворянам у простого люда, поэтому да, думаю, что революция просто предназначетана нам самой судьбой.

Находясь здесь, в действующей армии, я умудрился столько всего пережить и совершивший, что, вспоминая, не верится. Очнулся я в том времени посреди боя, в окопе, но выжил и, более того, дорос уже до первого офицерского чина. Прапорщик я теперь, у меня как бы взвод должен быть в подчинении, но судьба подбросила очередной сюрприз, и вот, вместе с моими боевыми товарищами, я еду в долбаную Европу и не знаю, что теперь и как будет вообще.

— Ваше благородие, разрешите обратиться? — отрапортовал подошедший ко мне самый младший по возрасту мой боец и товарищ Иван Терещенко, позывной «Малой». Парнишка был очень ловким, а обладая ещё и невысоким ростом, щуплым телосложением, в разведке он был незаменим, да и как снайпер состоялся на отлично.

Обращался сейчас ко мне по всей форме он не просто так, мы находились в составе роты, при командах, и фамильярность здесь будет лишней. Мои ребята прекрасно понимали, где и как можно общаться, не верьте, когда вам рассказывают о тёмных дореволюционных крестьянах. По смекалке и умению жить они сто очков форы дадут любому, вот и сейчас Малой rapportует, вытянувшись во фронт, хотя в бою мы

были просто товарищами и легко можем дать друг другу пинка, если надо.

— Слушаю, — кивнул я и огляделся.

— Получил провизию, узнал, где наш вагон, погрузка через десять минут.

— Хорошо, — вновь кивнул я, — я отойду на минуту, в здании вокзала есть ресторан, ужасно хочу кофе. Предупреди, братец, пожалуйста, нашего унтер-офицера, что скоро вернусь. Да, ждите у вагона, чтобы не потеряться.

— Вас понял, разрешите идти?

Я кивнул, а Ванька, вышагивая и печатая шаг тяжелыми сапогами, вот же артист, потопал к месту сбора.

Несспешно иду в здание вокзала, рассматривая всё вокруг. Несмотря на большое количество лошадей в городе, на улицах довольно чисто, интересно, что запах почти отсутствует, или я уже привык, на фронте лошадок много, запах стоит на всю округу и быстро привыкаешь.

Удивительно, но в лицах прохожих, будь то гражданские или многочисленные солдаты и моряки, нет злости или какого-то пренебрежения. Если честно, опасался в офицерской форме вот так гулять, стрельнут из-за угла и поминай как звали. Но то ли моё офицерское звание было недостаточным для выражения злобы, всё же оно самое низкое, то ли мои солдатские кресты и медали внушали уважение всей этой публике. Обычный солдат всегда видит своего брата окопника, да вот только здесь, в столице, окопников — то как раз и мало. Кто начнёт беспорядки? Запасные полки, не желающие ехать на войну умирать.

Смотрел и не понимал. В голове какой-то диссонанс. Я-то думал, что увижу какие-нибудь беспорядки, недовольство граждан, а тут... Обычный тыл, никаких предпосылок для беспорядков или чего-то похожего. Рестораны работают, дворники убирают улицы, женщины улыбаются, гуляя в огромных шляпках и подметая подолами мостовые... Идиллия. И как всего через несколько месяцев здесь, на этих красивых улочках польётся кровь рекой. Как?

В голове не укладывалась картинка, надо ехать нафиг отсюда, а то совсем крыша съедет. Просто я думал, что будущая катастрофа будет как-то видна, но увидел лишь мирных граждан, вполне довольных жизнью. Эх, голова болит ещё и от того, что спроси меня, что бы я предпочёл, ответить не смогу. Сам я продукт СССР, где все, ну почти, равны. И в то же время мне ужасно импонирует вот это общество. Бежливые, ну, почти всегда, люди, куртуазность, манеры... а ведь предки из деревень выступили против своих дворян и помещиков не просто так, значит, я просто не знаю, как оно всё на самом деле. Вот идёт навстречу дама со свитой или подружками, не знаю, она здесь, на улицах Петрограда мила, приветлива и учтива. Но, возможно, в каком-нибудь поместье, под городом, её управляющий сейчас кнутом бьёт кого-то из крестьян...

Кофе оказался очень вкусным. Подал мне его молодой человек с прилизанными волосами и тонкими усиками, бр-р-р, видок ещё тот. Сделав три глотка, я почувствовал прилив сил, но не

обычный, а... В голове вдруг стало удивительно светло и легко...

— Уважаемый, что за кофе вы мне налили? — поинтересовался я и чуть не выплюнул то, что глотнул.

— О, новинка этого года, чуть дороже, но каков эффект! Чувствуете прилив сил? — и так мне подмигнул, что меня вновь передернуло.

— Что. Это. Такое? — раздельно, начиная злиться, спросил я, предчувствуя нехорошее.

— Кофе с кокаином, господин прапорщик...

Плевать я не стал, конечно, но грохнул чашкой о стойку так, что та едва не разлетелась вдребезги.

— Я разве просил что-то подобное? Вы умеете слушать? Я просил кофе! — швырнув монетку на стойку, развернулся и быстрым шагом вышел. Чёрт, мне ещё тут кокAINОВОЙ зависимости не хватает, для полного антуража.

Когда явился на платформу, почему-то пропало всё желание любоваться красотой Петера, а ведь в таком виде, возможно, явижу его в последний раз. Не говоря о том, что меня могут просто убить, всё же мы не гулять в Европу едем, а предстоящие перемены в нашей стране изменят этот город, как и всю страну, навсегда.

— Командир, ты чего такой? — Метёлкин подошёл ко мне близко и спросил почти на ухо.

— Да хрена его знает, Лёха, — передернувшись, бросил я. Броде отпускать начинает, интересно, тяга будет теперь?

— Ехать долго, да, мы тут поболтали с музыками, говорят, что всю Европу надо по морю обходить, правда, что ли?

— Наверное, сейчас в Архангельск, оттуда даже и не знаю, как и куда. Пойду сейчас к господам офицерам зайду, надо разузнать.

— Мы в теплушке едем, твой вагон дальше.

— Да на хрен, с вами поеду, — отмахнулся я.

Это, конечно, было неправильно. Если младшие чины просто непонимающие посмотрят, то вот господа офицеры...

— Прапорщик, вы почему не представились по прибытию? — в офицерском вагоне на меня наехали почти сразу.

— Виноват, ваше высокоблагородие, — передо мной стоял капитан, пришлось вытянуться и отчеканить. — Прапорщик Воронцов, тридцатый полк...

— Здесь вы уже не в своём полку, а значит, подчиняетесь мне лично. Вы не объяснились!

— Виноват. Прибыли буквально за час до отправления, не сообразил ещё, что и как. Прошу извинить.

— Принимая во внимание ваши награды, извинения приняты. Впредь постарайтесь быть расторопнее. И снимите солдатские кресты, вы что, порядок не знаете? — Он прав, офицеры солдатские награды не носят.

— Есть.

— Ваше место в конце вагона, возле уборной...

Для меня эти слова послужили спусковым крючком.

— Спасибо, я поеду со своими подчинёнными.

— Вы в своём уме, прапорщик? — недоумевающе взглянул на меня наглый капитан. Хотя почему наглый, они почти все здесь такие, господа офицеры. Хрен его знает, откуда он и кто вообще такой, но если судить по наградам...

— Именно так, господин капитан. Меня совсем недавно произвели в этот чин, и я для вас неровня. Прошу простить, но поеду я со своими бойцами. Зашёл только представиться и узнать схему движения, если, конечно, вы пожелаете её мне сообщить.

— Мне не нравится ваше самоуправство и нахальство, — начал надменно произносить капитан, — если вы намерены и дальше носить высокое звание офицера русской армии, то обязаны соответствовать!

— Так точно, — не стал спорить я, бесполезно.

— В Архангельске будет пересадка на корабли, дальше двинемся морем. Этого вам должно хватить.

— Благодарю, ваше высокоблагородие. Разрешите идти?

— Где воевали, прапорщик?

— Под Луцком, ваше высокоблагородие, в Железной бригаде его превосходительства генерала Деникина.

— Отлично, прапорщик, значит, опыт у вас есть?

— Смотря какой, — пожал я плечами. — Командования взводом — нет. Я командир отделения специальной снайперской команды, тринадцатого стрелкового полка его превосходительства генерала Маркова. Находился в его подчинении и выполнял приказы напрямую штаба полка.

— А-а-а. Подленькая работенка, понятно, прячетесь и стреляете издалека... Слыхал я о таком, в моей роте такого не будет. Воин должен грудью встречать врага и умирать за отчество с благодарностью.

Он что, дурак? Я от одного идиота избавился, из-за него и еду теперь хрен знает куда, так мне судьба нового подкинула?

— Подло, это отправлять на убийства наших солдат, а для убийства врага все средства хороши.

— Вы смеете мне перечить? — жёстко спросил капитан.

— Разве я перечил? — сделал я равнодушное лицо. — Вы высказали ваше мнение, я своё.

— Вы не имеете права высказывать мне свои бредни. Устав...

— Вы где воевали, ваше высокоблагородие? — грубо оборвал я речь офицера. — На фронте уже не осталось таких офицеров, как вы, смею заметить, мертвые солдаты не могут выполнять приказы, как бы вы им ни приказывали. Умереть несложно, а кто Родину защищать будет, если все по вашему указанию погибнут? Женщины и старики?

— Вы что себе позволяете, прапорщик! Да как вы смеете?!

— Смею, господин капитан, потому как я в одиночку убил больше врагов, чем вы вообще их видели! — продолжал я все тем же спокойным тоном, что, вероятно, бесило капитана ещё сильнее. — Мои солдатские награды, которые вам так неприятны, свидетельствуют об этом.

— Да я...

— Успокойтесь, ваше высокоблагородие, я вам не враг, со мной не надо воевать. Своё место я знаю, поэтому и ухожу к своим бойцам. Негоже вам сидеть за одним столом со вчерашним солдатом, — оборвал, не дав ему договорить и, вскинув руку к фуражке, развернулся.

— Я разве вас отпустил? — послышался злобный оклик.

— А разве нет? — я посмотрел через плечо. — Честь имею, ваше высокоблагородие.

И я вышел из офицерского вагона под взглядом источавшего злость капитана. Вот, опять я нажил себе врага, да только по хрену мне, что он сделает? Под суд отдаст? Несмешно. Мы умирать едем, чего мне какой-то суд. Я вообще уже думаю, что зря повелся на уговор Маркова, надо было спокойно принять то, что мне грозило. Надоело всё, ужас просто...

— Ворон, это что было такое? — очнулся я, лёжа на нарах в солдатском вагоне. Парни согнулись надо мной, а я не понимал, что происходит.

— Что? Что случилось, где я?

— В вагоне, едем в Архангельск. Забыл, что ли? — голос Метёлкина. — Ты возле вагона, ещё

на платформе, упал без чувств, хорошо, ребята рядом стояли, подхватили и сюда затащили. Чего случилось-то?

— Да хрен его знает, ребята, с ротным посрался, потом к вам пошёл, больше ничего не помню, — почесал я затылок и обнаружил на нём шишку. Нехило я, видать, приложился, когда упал.

— Ну-ка, хлопцы, в сторону уйдите, посмотрите там, чтобы нам не мешали, мне с его благородием поговорить нужно, — влез Копейкин, наш немолодой боец-снайпер.

— Ты чего, Иван, такое лицо сделал, прирезать меня хочешь? — буркнул я.

— Рассказывай, — коротко бросил Иван и сел рядом, наклонившись ко мне.

— О чём? — не понял я.

— За что надо резать офицеров и почему это случилось не зря?!

Чего? Это он о чём?

— Ты тут лежал без сознания и все причитал, что, дескать, поэтому и резали всех подряд, потому как такое офицерьё хуже врага.

— Вань... — я не знал, чего сказать.

— Правду скажи, вот увидишь, легче станет. Я же вижу, что у тебя внутри что-то горит, но ты молчишь и носишь в себе.

— Я, — повторил я, — я не знаю, надо ли. Вань, это страшно.

— Так уж страшно, что не сказать? Мы вроде столько хлебнули, что напугать сложно...

— Ты даже не представляешь, Ваня, что будет всего через полгода... — И меня про-